

В. М. Лудыкова, Синтаксис имени прилагательного в коми языке. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Сыктывкар 2006. 445 с.

В коми языкознании последних десятилетий, в отличие от предшествующих периодов, когда преимущественное внимание обращалось на диалектологию, историческую фонетику, лексикологию, стилистику и т. д. коми языка, наметился определенный — причем, весьма результативный — крен на интенсификацию исследований в области грамматики — морфологии и синтаксиса. Об этом свидетельствует серия фундаментальных трудов, среди которых следует упомянуть ряд публикаций по морфологии Е. А. Цыпанова (1977; 2002; 2005), Г. А. Некрасовой (2002), Г. В. Федюновой (Федюнева, Цыпанов 1992; Лудыкова, Федюнева 2003) и других, а также обобщающее исследование «Öня коми кыв. Морфология» (Сыктывкар 2000), по синтаксису — рукописную монографию В. В. Понарядова (2001) и др. Тем не менее описательный синтаксис есть и остается наименее изученной областью не только пермского языкознания, но в значительной мере и уральского. Что же касается отдельных проблем и разделов синтаксиса в синхронно-диахроническом аспекте, то и здесь ни коми, ни удмуртское (в особенности) языкознание не могут похвалиться обилием имеющихся трудов. И посему весьма ожидаемо и желательно было появление именно в этой малоисследованной области многочисленных публикаций В. М. Лу-

дыковой (1991; 1993; 1995; 2002; 2003; полный список публикаций по рассматриваемой теме см. Лудыкова 2006 : 42—49) и как удачное завершение определенного этапа ее исследований — рукописной монографии «Синтаксис имени прилагательного в коми языке» (Сыктывкар 2006), успешно защищенной в качестве докторской диссертации на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.06 при Удмуртском государственном университете 26 сентября 2006 г. Официальные оппоненты — доктора филологических наук профессора Е. А. Цыпанов (Югорский университет), В. К. Кельмаков (Ижевск) и доктор филологических наук А. Н. Ракин (Сыктывкар).

Работа состоит из «Введения» (с. 3—18), в котором отмечены актуальность, цель и задачи, методы, материал, научная новизна, теоретическая значимость и т. д. исследования, а также выявлено состояние изученности проблемы в коми- и финно-угроведении. Основу же работы составляют «Предисловие» и четыре главы.

Вопреки обыкновению, в «Предисловии» (с. 19—58), как и в самостоятельной главе, автор излагает эскизно, но весьма содержательно, свои взгляды на морфологию коми прилагательного, вычленив 1) морфемную структуру имен прилагательных (непроизводные, произ-

водные, сложные — с. 23—24); 2) категорию качественности/относительности (с. 26—33); 3) категорию степеней сравнения (позитив, компаратив, суперлатив — с. 33—37); 4) категории числа и падежа (с. 37); 5) категорию степеней качества (релятив, исходная степень и интенсив — с. 37—57), которая «до сих пор остается недостаточно исследованной» (с. 38) и др. Весьма импонирует здесь, что наибольшей подробностью разработки и посему явной новизной отличается именно тот параграф, который посвящен категории степеней качества, где автор четко ограничивает ее от категории степеней сравнения. Эти две категории в грамматиках многих языков — уральских и не только — вплоть до настоящего времени не различаются или же объединяются. Так, в научной и школьных грамматиках удмуртского языка средства выражения интенсива выдаются за средства выражения превосходной степени (ГСУЯ 139). В современной же школьной грамматике удмуртского языка средства выражения сравнительной и превосходной степеней и интенсива объединены в одну мифическую категорию под названием *прилагательнойлэн чошатон степенез*, которое может быть переведено на русский язык и как 'степень сравнения прилагательных', и как 'сравнительная степень прилагательных'. В пределах данной крайне эклектичной категории нет противопоставления маркированных форм исходной, т. е. компаратива, суперлатива и интенсива позитиву — последняя даже не названа в книге (Удмурт кыл 2005 : 80—81). В отдельных грамматиках татарского языка интенсив и релятив представлены как формы категории степеней сравнения: положительная, сравнительная, превосходная, интенсивная и уменьшительная (Татарский литературный язык 1969 : 173—174).

Однако в данной части работы я могу позволить себе не согласиться с тем, как автор интерпретирует значение сравнительной степени: «Сравнительная степень обозначает признак, характерный для данного предмета в большей и меньшей (здесь и

далее выделение мое. — В. К.) степени по сравнению с теми же качествами в других предметах, а также качество, которым этот предмет обладал или будет обладать в другое время, в других условиях, в другой ситуации» (с. 34). Хотя подобная дефиниция значения компаратива («в большей и меньшей степени») имеет место в ряде исследований по финно-угорским языкам: мордовским (ГМЯ 1962 : 184; ГМЯ 1980 : 234), марийскому (СМЯ 102—103), удмуртскому (ГСУЯ 136—137; Ушаков 1982 : 64—65) и др., мне больше импонирует иная точка зрения: «Степень сравнительная [---] Категориальная форма степеней сравнения, обозначающая (указывающая, называющая) качество предмета (сравнительная степень прилагательных) или процесса (сравнительная степень наречий) как свойственное ему в б о л ь ш е й м е р е, чем другому или ему же самому раньше или потом» (Ахманова 1966 : 452); «Форма сравнительной степени (компаратив) обозначает, что качество присуще характеризуемому предмету или действию в б о л ь ш е й м е р е, чем другому [---]. Эта сравнительная степень может указывать на б о л ь ш е е п р о я в л е н и е к а ч е с т в а одного и того же предмета или действия, но в разное время и при различных обстоятельствах» (Рус. яз. 1979 : 333; Совр. рус. яз. II 71); «Если сравниваются качества, свойства двух предметов или лиц, причем устанавливается, что один предмет или лицо имеет б о л ь ш е данного качества, свойства, чем другой, то это выражается сравнительной степенью...» (Балаша 1951 : 98); «Сравнительная степень указывает на б о л ь ш у ю с т е п е н ь какого-либо качества у одного предмета по сравнению с другим предметом или же указывает на б о л ь ш у ю степень качества у этого предмета в другое время или в других условиях» (ГФЯ 99) и т. д. Эта же позиция в отношении компаратива характерна для ряда изданий по коми языку (см. СКЯ 168; Коми яз. 468). Обоснование последней точки зрения на материале удмуртского языка нами было высказано в совместной с Д. А. Еф-

ремовым статье «О функциях суффиксов сравнительной степени *-гес ~ -гем* в удмуртском языке» (Кельмаков, Ефремов 1997), которая оказалась не учтенной автором рецензируемой монографии. К тому же сама она утверждает: «Общепризнанным является то, что превосходная степень выражает самую большую (но не меньшую) степень качества, признака, по сравнению с подобным качеством, признаком» (далее идут ссылки на ряд авторов (с. 36)). По моему глубококому убеждению, в семантике компаратива и суперлатива имени прилагательного существует определенная корреляция.

В первой главе «Прилагательные в функции предиката» (с. 58—189) описана одна из двух основных синтаксических функций имени прилагательного — роль именного предиката. При этом автор подробнейшим образом рассматривает 1) связочный элемент, в роли которого в коми языке выступают преимущественно *лонь* 'стать, становиться', *колын* 'оставаться', *овлын* 'быть', *висьтасьны* и *шусьыны* 'называться', *пӧрны* и *пӧртсьыны* 'превращаться', в особых случаях *уджавны* 'работать', *пукавны* 'сидеть', *пуксьыны* 'сидеться', *сувтны* 'встать' и т. д. и их сочетания с различными формами предикативного прилагательного (с. 61—68, 124—156); прилагательное в роли именного предиката — преимущественно качественные, в том числе и краткие прилагательные, заимствованные из русского языка (с. 68—82); семантические виды адъективных прилагательных (с. 82—95); различные (номинативная, инструментальная, иллативная) формы предикативных прилагательных (с. 124—156); прилагательные в составе субстантивного предиката (с. 156—160); осложненные адъективные прилагательные (с. 160—164); адъективные предикаты в сочетании с инфинитивом (с. 164—189) — кстати, последние впервые так подробно описываются в коми (и пермской) грамматике, и т. д. Даже этот далеко не полный перечень рассмотренных тем свидетельствует о том, с какой образцовой полнотой описаны все возможные

в письменной и устной коми речи случаи употребления имени прилагательного в роли и в составе предиката предложения.

В этой главе серьезного внимания заслуживают не только предельно полно описанные синхронные наблюдения автора о функционировании коми составного сказуемого с прилагательным в предикативной части, но и ряд диахронических выводов, в частности, положение о том, «что отсутствие связи — древняя черта, хорошо сохранившаяся до настоящего времени и в определенной степени отражающая древнее состояние языка» (с. 113). Однако хотелось бы, чтобы это положение, весьма неожиданное для меня, было обосновано подробнее.

Вторая глава «Прилагательные в функции определения» (с. 190—290) посвящена связанным с атрибутивным употреблением прилагательного проблемам: наиболее частотной синтаксической связи атрибутивного прилагательного — примыканию (с. 199—200); семантическому (с. 200—207) и грамматическому (с. 207—215) согласованию атрибутивного прилагательного; порядку слов в определительных словосочетаниях с подчиненным именем прилагательным (с. 215—219); семантике адъективного определения (с. 219—257); функционированию заимствованных прилагательных в роли определения (с. 257—260); роли атрибутивного прилагательного в именной группе (с. 260—269); имени прилагательному в роли предикативного определения (с. 269—290) и др.

Хотелось бы отметить здесь два момента: во-первых, особую тщательность и подробность разработки значения адъективного определения и, во-вторых, внимание автора к грамматическому согласованию коми атрибутивного прилагательного, находящему параллели различной степени развитости и в других финно-угорских языках.

Диахроническое обоснование последнего имеет исключительно важное значение для разработки проблем исторического синтаксиса финно-угорских языков. В этой связи В. М. Лудыкова заключает, что «согласование при-

лагательных в роли определения с определяемым субстантивным словом в падеже и числе хорошо развито только в прибалтийско-финских языках, хотя отдельные его проявления встречаются и в других языках; в настоящее время наиболее интенсивное развитие согласования препозитивного определения идет, вероятно, в коми-пермяцком и удмуртском языках» (с. 215). Далее, ссылаясь на мнение ряда исследователей, она заключает, что изначально в уральском и финно-угорском языках-основах атрибут не согласовывался с главным словом (с. 215), хотя не все финно-угроведы (в частности, Ю. В. Андуганов) с этим согласны. Источник согласования в коми языке автор видит, как и Р. Бартенс, во влиянии прибалтийско-финских языков на коми диалекты (с. 208), а в коми-пермяцком языке — в мощном воздействии русского языка (с. 213). Хотелось бы акцентировать внимание на этих выводах по следующим мотивам.

Во-первых, влияние прибалтийско-финских языков на коми язык, по-видимому, было действительно достаточно интенсивным: из этих языков коми диалекты заимствовали определенное количество лексем (Лыткин 1979 : 60—61); прибалтийско-финскому же влиянию приписывает В. И. Лыткин и закрепление ударения в коми языке на первом слоге (1970 : 161), так что гипотеза о прибалтийско-финском влиянии как важнейшем внешнем источнике возникновения элементов согласования атрибутивного прилагательного с определяемым субстантивом по некоторым категориям в отдельных коми диалектах представляется вполне приемлемой.

Во-вторых, учитывая, что почти каждая инновация в языке обусловлена не только экстралингвистическими факторами (в частности, влияние других языков и/или диалектов, давление коммуникативных потребностей общества), но и внутрисистемными, хотелось бы предложить В. М. Лудьковой подумать о том, какие же интралингвистические причины побуждают к принятию отдельными финно-угорскими языками, в том числе коми, ранее не характерную

для них, но широко распространенную в некоторых языках, контактирующих с ними, яркую синтаксическую особенность — согласование определения с определяемым словом. В качестве рабочей может быть предложена гипотеза о возможной связи первоначального отсутствия согласования в финно-угорских языках с наличием в них категории притяжательности существительных (морфология) и образуемой на ее базе притяжательной связи (синтаксис). Не случайно в тех финно-угорских языках, в которых притяжательная связь используется в предложении в незначительной степени, согласование получило наибольшее развитие (речь в первую очередь идет о финском языке). Что касается коми синтаксиса, постепенное внедрение в него конгруэнции определения с определяемым словом может быть обусловлено уменьшением роли притяжательной связи в коми предложении в связи с частичным разрушением притяжательной конструкции в языке коми. В качестве определенного подспорья при исследовании этой проблемы можно использовать достаточно репрезентативный перечень финно-угроведческой литературы по проблемам исторического синтаксиса (Lakó 1991). Кстати, эта работа отсутствует в списке литературы рецензируемого труда.

В третьей главе рассматривается имя прилагательное в функции обособленного определения (с. 291—342), причем с различных позиций: 1) обособленное определение занимает пре- или постпозицию по отношению к определяемому слову; 2) оно является одиночным или распространено зависимыми от него словами; 3) является контактным или дистантным (с. 303—305); 4) функционирует при нарицательных именах существительных (с. 315—327), при именах собственных (с. 328—332), при местоимении (с. 332—337). Особый интерес для истории коми языка представляет параграф «История обособленных определений» (с. 338—342), однако отсутствие ранних текстов позволяет проследить развитие этого типа синтаксических конструкций лишь с середины XIX в.

С особой тщательностью разработаны микротемы и в четвертой главе — «Синтаксическая сочетаемость прилагательных» (с. 343—390), где автор различает активную сочетаемость (с. 346—383) и пассивную сочетаемость (383—390). Коми прилагательные с активной сочетаемостью могут иметь при себе в качестве зависимых не только отдельные слова или словосочетания, но и придаточные предложения (с. 358—362).

К несомненным достоинствам работы В. М. Лудыковой следует отнести также следующее:

- 1) начитанность автора в области исследуемой темы, о чем говорят и список трудов в области коми, финно-угорского, русского и европейского языкознания (544 наименования), и ссылки на труды многих исследователей;
- 2) обоснование положений автора по коми прилагательным материалами из коми фольклорной и письменной литературы, начиная с древнепермского периода до современности;
- 3) не только предельно полное и всестороннее синхронное описание исследуемого предмета, но и исторические экскурсы и попытки, порою весьма удачные, диахронического обоснования особенностей грамматики коми прилагательного, для чего использованы научная литература в области финно-угроведения и материалы живых уральских языков;
- 4) умеренное использование количественных методов при обосновании тенденции развития определенных явлений в коми языке. Однако подобных выкладок в работе могло бы быть и больше.

Например, желательно указание на количество случаев в предложении: «Исследованный материал коми языка показывает, что элемент *и эм* 'и есть' ни в одном случае не является избыточным...» (с. 117) — сколько же всего таких случаев? И: «В современном коми языке форма творительного предикативного прилагательного — это активно развивающаяся форма, в настоящее время она регулярно употребляется во всех стилях литературного языка, в спонтанной речи, хотя и номинативная форма является устойчивой» (с. 146) — явно просятся количественные характеристики употребления рассматриваемых форм в прошлом и в настоящее время; 5) удобочитаемый научный стиль с тактичным использованием «модных» и «сверхмодных» научных терминов и выверенность (в целом) приводимого языкового материала. Правда, иногда встречаются и некоторые досадные упущения орфографического и стилистического характера.

Однако замечания рецензента не принципиальны и имеют скорее конструктивный характер: они свидетельствуют о заинтересованности в обсуждаемой теме.

Работа В. М. Лудыковой «Синтаксис прилагательного в коми языке» представляет собой серьезный вклад в коми и финно-угорское языкознание.

Address:

V. K. Kel'makov

Udmurt State University, Izhevsk

E-mail: finnugor@udm.ru

Сокращения

ГМЯ 1962 — Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков I. Фонетика и морфология, Саранск 1962, 375—376; **ГМЯ 1980** — Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология, Саранск 1980; **ГСУЯ** — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962; **ГФЯ** — Грамматика

финского языка. Фонетика и морфология, Ленинград 1958; **Коми яз.** — Коми язык. Энциклопедия, Москва 1998; **Рус. яз. 1979** — Русский язык. Энциклопедия, Москва 1979; **Рус. яз. 2003** — Русский язык. Энциклопедия, Москва 2003; **СКЯ** — Современный коми язык I. Фонетика, лексика, морфология, Сыктывкар 1955; **СМЯ** — Современный ма-

рийский язык. Морфология, Йошкар-Ола 1961; **Совр. рус. яз. II** — Современный русский язык. Теория. Анализ

языковых единиц. II. Морфология. Синтаксис, Москва 2001.

ЛИТЕРАТУРА

- А х м а н о в а О. С. 1966, Словарь лингвистических терминов, Москва.
- Б а л а ш ш а Й. 1951, Венгерский язык, Москва.
- К е л ь м а к о в В. К., Е ф р е м о в Д. А. 1997, О функциях суффиксов сравнительной степени *-гес* ~ *-гем* в удмуртском языке. — LU XXXIII, 119—127.
- Л у д ы к о в а В. М. 1991, Коми кывйын прѳстой сѳрникузя, Сыктывкар.
- 1993, Ёня коми кывлѳн синтаксис. I юкѳн. Лывтѳчас да прѳстой сѳрникузя, Сыктывкар.
- 1995, Сѳрникузяысь сюрѳса членьяс велѳдѳм. Велѳдысьяслы отсѳг вылѳ, Сыктывкар.
- 2002, Определение в коми и русском языках, Сыктывкар.
- 2003, Коми кывбердлѳн синтаксис, Сыктывкар.
- 2005, Предикативное прилагательное в коми языке. Монография, Сыктывкар.
- 2006, Синтаксис имени прилагательного в коми языке. Автореф. докт. дисс., Ижевск.
- Л у д ы к о в а В. М., Ф е д ь о н е в а Г. В. 2003, Местоимение и прилагательное в грамматической системе коми и русского языков, Сыктывкар.
- Л ы т к и н В. И. 1970, Проблема лексического ударения в финно-угорских языках. — ALHung. 3—4 (XX), 245—263.
- 1979, Коми кывлѳн исторической лексикология, Сыктывкар.
- Н е к р а с о в а Г. А. 2002, Система *L*-овых падежей в пермских языках. Происхождение и семантика, Сыктывкар.
- П о н а р ь д о в В. В. 2001, Порядок слов в пермских языках в сравнительно-типологическом освещении (простое предложение). Диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Сыктывкар (Рукопись).
- Современный татарский литературный язык. Лексика, фонетика, морфология, Москва 1969.
- У ш а к о в Г. А. 1982, Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков, Ижевск.
- Ф е д ь о н е в а Г. В., Ц ы п а н о в Е. А. 1992, Ашѳр кывсикасьяс коми кывйын, Сыктывкар.
- Ц ы п а н о в Е. А. 1997, Причастие в коми языке. История, семантика, дистрибуция, Екатеринбург.
- 2002, Грамматическая категория залога в коми языке, Сыктывкар.
- 2005, Грамматические категории глагола в коми языке, Сыктывкар.
- Л а к ѳ Gy. 1991, A magyar mondatszerkezet finnugor sajtásagai, Pécs.

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)